

- 4. Шено Ж.
- 5. А днем он ни на что не жалованся
- 6. Томск - Драматич. театр
- 7. Режиссер - Борисов М.
- Художник - Абуева Я.
- Муфф оформления - Карольев С.

"А днем он ни на что не жалованся" ...
 Пьер Шено

1984, дек.

Томск

Фран. Т-ТР

МОСТОРСПРАВКА
 ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
 403009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
 КРАСНОЕ ЗНАМЯ

25 ДЕК 1984

г. Томск

Театр

„ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ“ СНИМАЮТ МАСКИ

Французская комедия на сцене Томского театра драмы

В репертуаре Томского театра драмы появился новый спектакль — комедия «А днем он ни на что не жалованся» по пьесе Пьера Шено (режиссер М. Воронков, художник Н. Абуева, музыкальное оформление заслуженного работника культуры РСФСР С. Корольев).

Итак, комедия. Да еще французская... Но не надо впадать в эту французскую комедию национальных примет Франции, а в ее героях-миллионеров — черт предвзвучного аристократизма. Не надо сравнивать набобит писателя Буассьера с кинокадрами «шикарной жизни», а самого писателя возносить на пьедестал при упоминании о его славе. Поэтому что слава эта весьма сомнительного свойства. А миллионы франков вполне могут быть заменены другими легкими единицами, и все происходящее в спектакле легко перенести в любое место, где действует старая чужковская принцип: «Все сделавши и все пропавши на свете копейкой».

Если вы любите комедию, подобные условия игры не будут вам в тягость. В спектакле действительно есть и «уловения» (уловение уже в самой ситуации, когда на-за двери покойного пристава неожиданно доносится его «агук»). Есть и игра.

Она начинается со стремительного ритма закатающихся и гаснущих бра, с расширяющихся «двойных дверей», на которых вьются в ночном негнущем терпеливые наследники. На эту игру благодарно откликается зал — и тогда, когда Людвик (Ф. Орлов) разговаривает по телефону, одновременно обрывается судорожным жестом ноги от своей адресованной сестры; и когда он в нарастающем темпе подписывает деловые бумаги, и когда удерживает «картуш», подкапывая под

руку представителя похоронной конторы (А. Афанасьев, Л. Михайлов), пытающегося измерить своего «клиента», и еще во многих других сценах.

Возня вокруг наследства: лицемерные надежды апермешку с деловыми и амурными телефонными звонками, приготовления к печальному обряду, чередующиеся с базаарными перебранками — все это детко расширяется, вытекает, метается, чтобы любимый муж, наконец, тестя скончался не в подвале, а в сельской усадьбе. Но интересно не столько это, уже традиционное, разоблачение буржуазной безразличности, сколько то, что через спектакля отсюда не заведомые чудовища. Это — обычные люди.

Бат и все нормальные люди, они радуются тому, что близкий человек оказывается жив. Но тут же «чуждо природы» превращается в «идеальность природы». Только что женщины носились по дому с трепетом, широким отчаянным жестом, а профессор Гаррон (Н. Мокhov, Е. Платокин) старательно оживил соседку-сестрицу. Но вот движение замедляется. Задумывается да так и застывает с открытым ртом живописная фигура ивора Люси (Е. Вушугева); останавливается деловито мчавшаяся за лекарством Явнина (заслуженная артистка РСФСР И. Мельникова). Дальше других сопротивляется дурным побуждениям, но все-таки слается профессором. Но уже и Люси не слушит каждому из них ничего хорошего. Замедлившийся было бег возобновляется. Но уже и Явнина выхватывает необъяснимую утробную, ослепительную любовь. Профессор мысленно прерастраивает для себя писательскую карьеру. Застывший

жалкий Людвик (если бы Люси не утнула его на глазах у публики, об этом можно было бы догадаться по вянущей в плечи голове и беспорядочным жестам) обрывает мертвую ханжу и убеждает своего учителя по части «дел не очень чистых» Моршелла (А. Дубинкин). Каждый из них, не переставая считать себя порядочным человеком, начинает желать смерти близкому.

Те немногие всплески человечности, которые есть в каждом из героев, не являются ни математиками. Хотя монолог Людвика о губительной власти денег, мне кажется, выпадает на обрывки систем спектакля.

Нельзя представить себе большего греха для рецензента, чем «пробовать» о том, как развиваются события спектакля. Конечно если речь идет о «жизни поколений». Но неожиданность, которая ждет зрителя «под занавес», вовсе не из области сюжета.

Есть в комедии действующее лицо, о котором мы еще ни разу не упомянули. Это Луиза, актриса пьесы-сателла (Г. Непороченко, Э. Ратомская). Она первой надевает траур, потрескавшаяся одежда, о смерти близкого, и первая его снимает, не понимая, отчего все остальные продолжают готовиться к похоронам. Она не может видеть даже траур, надевая в чужих руках. Встречи своим пуританским предостережением, о нравственности Луиза выдает и считает его фирменный роман. Одним словом, это единственная искренне любящий Стефана Буассьера человек.

Но, когда в финале директор, вроде бы торжествует, зрительно не до смеха. «Добродетель» обречена на утробной «ораве» — слово, особенно страшное и силу неожиданной внезапности. Обе актрисы, идя к этому пожеланию Бюсси,

ми путями, его добиваются. Говоря традиционное «С премьерой», хочется пожелать недолгого выпуска Шенковского училища Е. Вушуге, для которой роль Люси стала добрым на профессиональной сцене. Новая комедия еще «в работе». Думается, что в результате станет более динамичными театральные

А. АФАНАСЬЕВА.
 НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «А днем он ни на что не жалованся».